

На правах рукописи

АБАЗОВ Алексей Хасанович

Трансформация системы композиций кабардинцев в конце XVIII – первой половине XIX в.

Специальность 07.00.07 – Этнология, этнография и антропология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2008

Работа выполнена в отделе этнологии Института гуманитарных исследований Правительства КБР и Кабардино-Балкарского научного центра РАН

Научный руководитель: доктор исторических наук,
профессор Х.М. Думанов

Официальные оппоненты: доктор исторических наук
М.Дж. Каракетов
кандидат исторических наук
Е.Н. Данилова

Ведущая организация: Чеченский государственный университет

Защита состоится «7» апреля 2008 г. в 15 часов на заседании диссертационного совета Д. 501.001.78 в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова по адресу: 119992, г. Москва, Воробьевы горы, МГУ, 1-й корпус гуманитарных факультетов, ауд. 550.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ им. А.М. Горького (МГУ, 1-й корпус гуманитарных факультетов)

Автореферат разослан « 5 » марта 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета:
кандидат исторических наук

Ю.И. Зверева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования объясняется прежде всего тем обстоятельством, что в конце XVIII – первой половине XIX в. Кабарда переживала самый сложный период в своей истории. Именно в это время она потеряла свою независимость, и ясно обозначились признаки этнодемографической катастрофы, вызванной войной и чумой. В этих условиях деструкции подверглась вся институциональная инфраструктура кабардинского феодального общества, в том числе и система композиций.

В рамках юридической антропологии изучение специфики трансформации системы композиций кабардинцев позволяет выявить степень и глубину изменений в их правовой культуре, а также формы взаимодействия различных правовых систем (адата, шариата и русского военного законодательства) в условиях включения Кабарды в состав России. Учитывая тесную взаимосвязь системы композиций с сословным делением общества, она выступает своеобразным индикатором, дающим возможность по-новому осветить ряд малоизученных аспектов кризиса и трансформации адыгского этнического социума. В теоретическом плане исследование данной проблемы имеет важное значение для понимания особенностей адаптации традиционных общественных институтов народов Северного Кавказа к политической и социокультурной системе Российской империи. Актуальность темы диссертации подчеркивается также отсутствием в историко-этнологической науке специального монографического исследования, посвященного проблеме трансформации системы композиций кабардинцев в конце XVIII – первой половине XIX в.

Историография проблемы. Историю изучения системы композиций кабардинцев можно условно разделить на три периода: дореволюционный, советский и современный (постсоветский).

В историографии системы композиций кабардинцев особое место занимают труды дореволюционных авторов, в которых затронуты многие аспек-

ты данной проблемы. Наиболее ранней из них является «Описание кабардинского народа», составленное для Коллегии иностранных дел советником канцелярии В.М. Бакуниным в мае 1748 г. Оно содержит ценные сведения по истории и этнографии кабардинцев¹. Причем следует заметить, что для нас важное значение имеют не только описания событий, возникавших на почве кровной мести в Кабарде, но и данные о социальной системе, политическом строе, образе жизни и нравах кабардинцев в целом.

Краткое «Историко-этнографическое описание кабардинского народа», составленное кавказским генерал-губернатором П.С. Потемкиным² (1784), дает возможность понять особенности той этнокультурной среды, в рамках которой функционировали институты, связанные с системой композиций кабардинцев.

Особое место в исследовании рассматриваемой проблемы занимают сведения европейских путешественников. Так, П.С. Паллас, посетивший Северный Кавказ в 1793-1794 гг., описал особенности кровной мести и «цены крови» у черкесов (адыгов)³.

Наиболее подробное описание общественного устройства и правовой культуры черкесов (адыгов), в том числе и кабардинцев, принадлежит Г.-Ю. Клапроту. В его работе содержатся сведения о мерах ответственности за различного рода преступления⁴.

Особую ценность представляет труд С. Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе», написанный им в 1810 г., а изданный только в 1823 г.⁵ В этой работе автор, касаясь основных норм обыч-

¹ Кабардино-русские отношения в XVI - XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. Т. 2. XVIII в. М., 1957. С. 152 - 161.

² Там же. С. 359 - 364.

³ Паллас П.С. Заметки о путешествиях в Южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII - XIX вв. (Далее - АБКИЕА). Нальчик, 1974. С. 221.

⁴ Клапрот Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и в Грузию, предпринятое в 1807-1808 гг. // АБКИЕА. С. 235-281.

⁵ Броневский С.М. Новейшая история о Кавказе, собранная и пополненная Семеном Броневским. Спб., 2004. С. 168.

ного права кабардинцев, подробно рассматривает формы наказания за различные виды преступлений.

Интересные данные для сравнительно-исторического анализа системы композиций у адыгских субэтнических групп приводит Г.В. Новицкий⁶.

Ценный и разнообразный материал для изучения системы композиций адыгов содержится в работе Ф.Ф. Торнау⁷.

Особый интерес представляет «История адыгейского народа» Ш.Б. Ногмова. Его описание традиционных кабардинских судов легло в основу исследований многих кавказоведов. Впервые в историко-этнографической литературе он приводит данные о характере и размере наказаний в «духовных судах» – мехкеме⁸.

Хан-Гирей в своих работах на основе народных преданий описывает впечатляющую картину дифференцированной ответственности в зависимости от сословной принадлежности субъектов преступления⁹.

Опубликованный Дж. Беллом дневник его пребывания в Черкесии (1837-1839 гг.) представляет собой ценный источник для изучения правовой культуры адыгов в первой половине XIX в. в сравнительно-историческом плане¹⁰.

Исключительно важный материал для изучения системы композиций адыгов содержится в работе корреспондента лондонской газеты «Таймс» Дж.А. Лонгворта, который провел в Западной Черкесии целый год¹¹.

Особо следует остановиться на работах Л.Я. Люлье, который, имея возможность непосредственно наблюдать особенности традиционного уклада жизни западных адыгов XIX в., детально характеризует систему исчисления

⁶ Новицкий Г.В. Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адехе // Тифлиские ведомости, 1829. № 25

⁷ Торнау Ф.Ф. Воспоминание кавказского офицера. 1835 г. часть 1. М., 1864. переиздана: Секретная миссия в Черкесию разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик, 1999.

⁸ Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1994.

⁹ Хан-Гирей. Беслый Абат // Хан-Гирей. Избранные произведения. Нальчик, 1974; Он же. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978; Он же. Князь Пшьской Аходягоко // Хан-Гирей...; Он же. Черкесские предания // Хан-Гирей...

¹⁰ Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течении 1837, 1838, 1839 гг. // АБКИЕА. С. 438-531.

¹¹ Лонгворт Дж.А. Год среди черкесов // АБКИЕА. С. 531-585.

фактической стоимости ущерба, подлежащего возмещению¹². Для темы нашего исследования значительный интерес представляют его сведения, позволяющие изучать систему композиций кабардинцев в сравнительно-историческом плане.

Ценные сведения о кровной мести, сопровождаемые конкретными примерами, приводит в этнографическом очерке К.Ф. Сталь¹³.

В работе Н.Ф. Дубровина содержатся интересные данные о формах ответственности за преступления по нормам обычного права. В частности, он писал, что у «черкесов не существовало ни тюрем, ни телесных наказаний, никаких видов лишения свободы, а потому все наказания ограничивались наложением штрафа, сообразно со степенью преступников...»¹⁴.

Выявлению правовых аспектов регулирования социальных отношений в Кабарде способствует книга Ф.И. Леонтовича «Адаты кавказских горцев»¹⁵. Содержащиеся в первом выпуске этого сборника материалы о кабардинцах относятся к первой половине XIX в., но, учитывая консерватизм норм обычного права, они во многом репрезентативны и для XVIII в.

Заметный вклад в изучение рассматриваемой проблемы внес Н.Ф. Грабовский¹⁶. В его работах дается подробный исторический обзор судебных преобразований в Кабарде, а также характеризуются основные виды преступлений перед отменой крепостного права и меры ответственности, налагаемые за их совершение.

¹² Люлье Л.Я. Черкесия. историко-этнографические статьи. Киев, 1991

¹³ Сталь. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Т. 21. Отд. 2. Тифлис, 1900. С. 53 – 173.

¹⁴ Дубровин Н.Ф. Черкесы (адыгэ). Краснодар, 1927. С. 143.

¹⁵ Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Восточного и Северного Кавказа. Вып. 1. Одесса, 1882.

¹⁶ Грабовский Н.Ф. Присоединение к России Кабарды и борьба ея за независимость // Сборник сведений о кавказских горцах (Далее - ССКГ). Вып. 9. Тифлис, 1876; Он же. Очерк суда и уголовных преступлений в кабардинском округе // ССКГ. Вып. IV. Тифлис, 1870. С. 1-72.

Весьма содержательная для своего времени характеристика института кровной мести у горских народов Кавказа помещена в книге М.М. Ковалевского¹⁷.

Определенное внимание рассматриваемой проблеме уделил и В.Н. Кудашев¹⁸, который упоминает о некоторых видах наказаний за преступления при характеристике традиционного уклада жизни кабардинцев.

Изучение вопросов, относящихся к предмету нашего исследования, имело в советской историографии кардинально отличные от предыдущего периода черты. Она базировалась на марксистско-ленинских принципах, когда во главу угла были поставлены «классовые», а не культурно-цивилизационные противоречия. Но в 20-е гг. XX в. идеологический контроль над историческими науками не приобрел столь всеобъемлющий, тотальный характер, как в последующие десятилетия. Поэтому в это время еще появлялись работы, более или менее свободные от схем и шаблонов, навязываемых новой идеологией. К ним прежде всего следует отнести исследование М.О. Косвена, внесшего значительный вклад в теоретическое осмысление особенностей системы композиций в догосударственных социумах¹⁹.

А.М. Ладыженский впервые в исторической этнологии Кабарды дифференцировал формы и характер ответственности за преступления по стратификационному принципу²⁰.

Наибольшую ценность для настоящего исследования представляют работы, непосредственно указывавшие на конкретные изменения в обычаях и традициях кабардинцев, связанных с системой композиций. Т.Х. Кумыков обратил внимание на то, что «к рассматриваемому периоду (начало XIX в. – А.А.) нормы обычного права подверглись глубокой трансформации. В ре-

¹⁷ Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Москва, 1890

¹⁸ Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913. С. 46 - 48.

¹⁹ Косвен М.О. Преступление и наказание в догосударственном обществе. М.-Л., 1925.

²⁰ Ладыженский А.М. Тезисы диссертации: «Адаты кабардинцев и народов, находящихся от них в вассальной зависимости» (рукопись), 1947 // Архив КБИГИ Ф. 10, оп. 5, ед.хр. 4; Он же. Изучение адатов кабардинцев и народов, находящихся от них в вассальной зависимости // Архив КБИГИ Ф. 10, оп. 5, ед. хр. 3; Он же. Методы этнологического изучения права // Этнографическое обозрение, 1995. №4. С. 160-161.

зультате между шариатом и обычным правом не осталось каких-либо противоречий. Обычное право и шариат почти в одинаковой степени обслуживали интересы князей и дворян»²¹.

Наиболее существенный вклад в изучение системы композиций адыгов внес В.К. Гарданов. Он дал самый глубокий для своего времени анализ особенностей адыгского феодализма, считая, что система композиций составляла важнейшую часть жизни адыгов в XVIII – первой половине XIX в. и носила феодальный характер, устанавливая строго регламентированную шкалу возмещений в зависимости от сословной принадлежности потерпевшего²². Но при этом автор не учитывал специфику изучаемого явления в различных областях Черкесии.

Дальнейшее исследование системы композиций кабардинцев связано с работами Е.Дж. Налоевой. Попытавшись систематизировать формы наказания за различные виды преступлений на основе норм обычного права²³, она в недостаточной степени использовала архивные материалы.

За последние годы некоторые проблемы, так или иначе связанные с изучением различных аспектов системы композиций кабардинцев, затрагивались в трудах современных исследователей.

Важное место в этом отношении занимает характеристика института кровной мести. Наиболее подробно динамику развития этого института рассмотрел В.Х. Кажаров²⁴. Исследуя систему композиций в качестве основного ограничителя кровной мести, он определил причины и основные этапы ее кризиса. Однако, нельзя не признать, что для более полного анализа трансформации системы композиций кабардинцев необходимо освещение вопро-

²¹ Кумыков Т.Х. Из истории судебных учреждений в Кабардино-Балкарии (конец XVIII – XIX вв.) // Ученые записки КБНИИ. Вып. XIX. Нальчик, 1963. С. 93.

²² Гарданов В.К. Система композиций в обычном праве адыгов (черкесов) в конце XVIII – первой половине XIX века. Москва 1964. С. 2; Он же. Общественный строй адыгских народов в XVIII – первой половине XIX века. Москва, 1967. С. 227.

²³ Налоева Е.Дж. К вопросу о государственно-политическом строе Кабарды в первой половине XVIII века // Вестник КБНИИ. Вып. VI. Нальчик, 1972. С. 83.

²⁴ Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис во конце XVIII – первой половины XIX вв. Нальчик, 1994. С. 417.

сов, связанных с изучением мер ответственности и за другие виды преступлений.

О наличии у кабардинцев дифференцированной шкалы выплачиваемых компенсаций за совершение различного рода преступлений в зависимости от сословной принадлежности потерпевшего или преступника писали Х.М. Думанов и Ю.М. Кетов²⁵.

Ю.М. Кетов, предлагая свою периодизацию процесса трансформации норм обычного права в XIX в., к первой группе относит нормы, действовавшие до проведения в 1807 г. правовых реформ; ко второй – нормы, действовавшие до отмены крепостного права в Кабарде в 1867 г.; к третьей – все нормы, введенные русской администрацией на Кавказе в пореформенный период²⁶. Следует отметить, что автор не учитывает в должной мере судебно-административные преобразования в конце XVIII в. и степень воздействия политических факторов на изучаемые явления.

Основные элементы системы композиций адыгов в целом и кабардинцев в частности так или иначе были затронуты в работах Р.З. Куадже, И.Х. Тхамоковой, А.И. Мусукаева, М.Х. Герондокова, Ж.А. Калмыкова, Р.Х. Гугова, И.Л. Бабич, А.Н. Маремкулова, Т.М. Катанчиева, Л.Х. Сабанчиевой²⁷.

²⁵ Думанов Х.М. Якуб Шарданов. Из истории изучения обычного права кабардинцев. Нальчик, 1988. С. 45; Думанов Х.М., Кетов Ю.М. Адыгэ хабзэ и суд Кабарде во второй половине XVIII – XIX веках. Нальчик, 2000. С. 110.

²⁶ Кетов Ю.М. Судостройство у кабардинцев в XIX – начале XX века: правовые нормы и система наказания // Res Publica. Альманах социально-политических и правовых исследований. Вып. I. Нальчик, 2000. С. 219.

²⁷ Куадже Р.З. Правовое положение классов и социальных групп адыгского общества XVIII – первой половины XIX века // Культура и быт адыгов. Вып. III. Майкоп, 1980. С. 106; Тхамокова И.Х. Из истории общественной организации шапсугов в первой половине XIX века // Вопросы этнографии и этносоциологии Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1981. С. 155; Мусукаев А.И., Герондоков М.Х. Идеологическое и общественное единство в жизни горцев. Нальчик, 1989. С. 36; Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (конец XVIII – начало XX веков). Нальчик, 1995; Гугов Р.Х. Кабарда и Балкария в XVIII веке их взаимоотношения с Россией. Нальчик, 1999; С. 258-259; Бабич И.Л. Судебная реформа и обычное право в адыгской общине // Этнографическое обозрение, 1999. № 2. С. 20; Бабич И.Л. Эволюция правовой культуры адыгов (1860-1990-е гг.). М., 1999; Маремкулов А.Н. Основы геополитики российского государства на Северном Кавказе в XVIII – начале XIX века: политико-правовой аспект. Нальчик, 2003; Катанчиев Т.М. Кабардинское обычное право и его особенности. Нальчик, 2003. С. 85; Сабанчиева Л.Х. Гендерный фактор традиционной культуры кабардинцев (вторая половина XVI – 60-е

Однако имеющиеся данные по изучаемой проблеме нуждаются в переосмыслении и значительном дополнении на основе привлечения широкого круга новых архивных документов. Без этого невозможно восстановить подлинную картину трансформации системы композиций кабардинцев в конце XVIII – в первой половине XIX в.

Источниковую базу исследования составляют: материалы, выявленные в различных архивохранилищах, опубликованные сборники архивных документов, а также нарративные источники.

Основные сведения по изучаемой проблеме нами извлечены из фондов Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской республики (ЦГА КБР): ф. И-2 («Управление Кабардинской Линией»), ф. И-16 («Управление Начальника Центра Кавказской Линии»), ф. И-23 («Кабардинский временный суд»), ф. И-24 («Кабардинский окружной народный суд»).

Значительный объем информации сосредоточен в архиве Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН (Архив КБИГИ). Важные сведения содержатся в ф. 1 («История Кабарды в дореволюционный период»). Из данного фонда мы использовали материалы, собранные в разное время научными сотрудниками КБИГИ в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), Центральном государственном архиве республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-Алания), Государственном архиве Краснодарского края (ГАКК), Центральном государственном историческом архиве Грузии (ЦГИА Грузии).

Из ф. 10 Архива КБИГИ нами были извлечены полевые материалы, собранные в ходе многочисленных этнографических экспедиций Х.М. Думановым, В.Х. Кажаровым, Г.Х. Мамбетовым, С.Х. Мафедзевым и др.

Ко второй группе источников относятся следующие сборники документов: Кокиев Г.А. Крестьянская реформа в Кабарде (Документы по истории

годы XIX веков). Нальчик, 2005. С. 163; Калмыков Ж.А. Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX века). Нальчик, 2007.

освобождения зависимых сословий в Кабарде). Нальчик, 1946; Правовые нормы адыгов и балкаро-карачаевцев (Составители Х.М. Думанов и Ф.Х. Думанова). Майкоп, 1997; Из документальной истории кабардино-русских отношений (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Нальчик, 2000; Сборник документов по сословному праву народов Серенного Кавказа (1793-1894 гг.). Нальчик, 2003. Особое место в этой группе источников занимает сборник документов с комментариями под названием «Материалы по обычному праву кабардинцев (первая половина XIX века)», составленный В.К. Гардановым и опубликованный в г. Нальчике в 1956 г.

К третьей группе относятся нарративные источники: Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов в XIII – XIX в. Нальчик, 1974; Загадочный мир народов Северного Кавказа. Записки из Эдинбургского миссионерского общества и других источников конца XVIII – XIX веков. Нальчик, 2000; Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – XX начале в. Нальчик, 2004; Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик, 2004 и др.

Географические рамки основной части диссертации ограничиваются территорией, которую занимали кабардинцы в первой половине XIX в. Для проведения сравнительного анализа системы композиций адыгов география исследования в некоторых случаях охватывает и Западную Черкессию.

Хронологические рамки исследования включают период с конца XVIII до середины XIX в. Нижний хронологический рубеж связан со временем функционирования системы композиций в традиционном виде, т.е. до учреждения в Кабарде родовых судов и расправ (1793). Верхняя временная отметка датируется серединой XIX в. Однако для более глубокого и всестороннего анализа трансформации системы композиций в настоящей диссертации мы использовали и материалы, относящиеся к периоду перед отменой крепостного права в Кабарде (1867), и которые во многом репрезентативны и для более раннего времени.

Объектом диссертационного исследования является кабардинское общество в конце XVIII – первой половине XIX в., а **предметом исследования** – система композиций кабардинцев, а также ее трансформация в конце XVIII – первой половине XIX в.

Цель диссертации состоит в исследовании особенностей трансформации системы композиций кабардинцев в конце XVIII – первой половине XIX в.

В связи с этим нами выдвигается несколько основных **задач**:

– охарактеризовать социальные и правовые отношения в Кабарде в конце XVIII – первой половине XIX в.;

– систематизировать накопленные в исторической этнологии знания, отражающие основные элементы системы композиций кабардинцев;

– определить степень трансформации системы композиций под влиянием шариата;

– проследить динамику развития системы композиций кабардинцев в конце XVIII – первой половине XIX в. с учетом характера и форм воздействия политических факторов;

– проанализировать трансформацию института исполнения наказаний в судебной системе Кабарды;

– провести сравнительный анализ системы композиций различных субэтнических групп адыгов.

Методологической основой исследования являются принципы историзма, объективности и системного анализа. В работе использован сравнительно-исторический метод, который дает возможность определять особенности системы композиций у различных субэтнических групп адыгов. При изучении степени ее трансформации у кабардинцев в данный период мы использовали историко-генетический подход.

Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые система композиций кабардинцев и ее трансформация в конце XVIII – первой половине XIX в. становится предметом специального исследования.

В работе подробно исследуется система наказаний за совершение различного рода преступлений в зависимости от сословной принадлежности потерпевшего и преступника. Новым является и анализ системы композиций, рассмотренной в контексте административно-судебных преобразований в Кабарде в конце XVIII – первой половине XIX в.

В научный оборот введены новые архивные документы, учтены новейшие работы по отечественной истории и этнографии.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении юридической антропологии адыгов в целом, при подготовке лекционных курсов, учебников и учебных пособий по истории и этнографии народов Северного Кавказа.

Структура диссертации построена в соответствии с ее целями и задачами. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и списка сокращений.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена на совместном заседании секторов истории и этнологии Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН, а также на кафедре этнологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Основные выводы диссертации опубликованы в семи научных статьях.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, определяются объект и предмет, цели и задачи, а также хронологические рамки исследования, раскрывается методология, научная новизна и практическая значимость работы, дается характеристика историографии и источниковой базы диссертации.

Первая глава «Система композиций в обычном праве кабардинцев в конце XVIII – первой половине XIX в.» состоит из трех параграфов.

Первый параграф посвящен исследованию особенностей социальных и правовых отношений в Кабарде в изучаемое время.

У кабардинцев социальные отношения регулировались сводом норм под названием «адыгэ хабзэ». Применительно к изучаемому периоду юридическая часть адыгэ хабзэ и обычное право являются тождественными понятиями. Юридическую часть адыгэ хабзэ составляют: «пшы хабзэ» – княжеское право, «уэркъ хабзэ» – дворянское право, «лэхукъуэлI хабзэ» – крестьянское право. До разрушения удельной системы в княжеских фамилиях действовали свои обычаи, регулировавшие их отношения с другими аналогичными образованиями и внутри таковых. В преданиях сохранились выражения: «ХьэтIохъущыкъуей хабзэ», «Мысостей хабзэ», «Джылахъстэнэй хабзэ» (Атажукинское право, Мисостовское право, Гиляхстановское право) и др.

Рассматриваемый период характеризуется разрушением традиционной вассально-иерархической структуры, ликвидацией прежней власти князей и проникновением в общественную жизнь кабардинцев законодательства Российской империи. Естественно, эти процессы значительно ограничили юридическую силу «адыгэ хабзэ». Был взят курс на максимальное приспособление кабардинских адатов к русскому законодательству. Эти изменения явились определяющим фактором трансформации системы композиций.

Во *втором параграфе* рассматривается динамика развития различных элементов системы композиций кабардинцев в конце XVIII – первой половине XIX в.

Несмотря на кажущуюся однотипность форм наказания, обычное право кабардинцев содержало обширный спектр ответственности за различного рода преступления.

В истории Кабарды сохранились указания на право князей подвергать смертной казни своих вассалов за серьезные преступления. С началом судебных и административных преобразований этот вид наказания был запрещен имперскими властями.

Основным видом наказаний по обычному праву кабардинцев выступали штрафы. Их качественный и количественный состав зависел не только от ха-

рактера и степени тяжести совершенных преступлений и проступков, но и от социального статуса потерпевшего и преступника.

Во второй четверти XIX в. в Кабардинском временном суде преобладающее значение при взыскании штрафа приобрел российский рубль. Но имперская денежная единица не вытеснила окончательно традиционные формы возмещения ущерба. В изучаемый период штрафы продолжали взиматься и в натуральном виде.

Не ограничиваясь только материальными видами наказаний, в первой половине XIX в. система композиций характеризовалась и наличием мер морального воздействия на преступника (общественное порицание и публичное извинение).

Утрата Кабардой своей политической самостоятельности, утверждение в ней российской администрации и юрисдикции, разрушение традиционной общественной структуры привели к тому, что многие элементы прежней системы композиций перестали действовать во второй четверти XIX в. К ним можно отнести изгнание из общества, перевод в низшую категорию по сословной лестнице, продажа в рабство и т.д.

В третьем параграфе анализируются формы ответственности за различные виды преступлений в зависимости от сословной принадлежности потерпевшего.

Кабардинское обычное право строго регламентировало меры ответственности за совершение убийства. Анализ характера и степени трансформации «платы за кровь» показывает, что она, как вид наказания, оставалась одной из особенностей правовой культуры кабардинцев и во второй четверти XIX в. Более того, она напрямую зависела от сословной принадлежности потерпевшего и преступника.

Размер «платы за кровь» кабардинских князей не был определен адатами. Убийца и весь его род неминуемо подвергались кровной мести. С установлением царской администрации в Кабарде убийство князей, не принявших пророссийскую политическую ориентацию, не только не наказывалось,

но и открыто поощрялось. Урегулирование конфликтов, возникавших в случаях убийства кабардинских князей представителями других горских народов во второй четверти XIX в., как правило, заканчивалось уплатой «цены крови» (лъы уасэ).

«Цена крови» первостепенных дворян (тлекотлешей и дыженыго) была значительно выше, чем у менее знатных дворян. Что же касается «платы за кровь» крепостных крестьян в первой половине XIX в., то она представляла собой взыскание фактической стоимости убитого, которая была уплачена феодалами при его покупке.

При определении вида и размера наказаний по делам о нанесении ран и увечий особое значение имел характер наступивших последствий. В большинстве случаев возмещению подлежала сумма, затраченная на излечение потерпевшего.

Ответственность за воровство в первой половине XIX в. носила весьма неоднозначный характер. С одной стороны, князья и дворяне стремились сохранить строгую зависимость размера штрафов от сословной градации общества, а с другой – наметилась тенденция к унификации мер наказания за кражу.

Наиболее тяжким по последствиям видом имущественных преступлений в первой половине XIX века оставалось воровство княжеского имущества, в особенности – лошадей. В деятельности Кабардинского временного суда за кражу княжеских лошадей в качестве наказания назначалась фиксированная сумма (500 рублей серебром) независимо от сословной принадлежности преступников и количества украденных лошадей. Размер наказания за воровство имущества представителей остальных категорий общества в большинстве случаев определялся без учета сословной принадлежности субъектов преступления.

Глава вторая «Система композиций кабардинцев в условиях полиюридизма» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе «Трансформация системы композиций кабардинцев под влиянием политики России в области судоустройства» отмечается, что система композиций сохранялась в прежнем виде вплоть до 1793 г. После учреждения в Кабарде родовых судов и родовых расправ основные виды преступлений: «измена, явное ослушание начальству, разбой, грабеж, воровство, учиненное насильно вооруженной рукой, и убийство» (П.Г. Бутков) должны были рассматриваться Моздокским верхним пограничным судом по законам Российской империи.

Политика царизма вызвала сопротивление кабардинцев. В 1807 г. были упразднены родовые суды и расправы и взамен учреждены «духовные суды» – мехкеме. В свою очередь конфессиональный компонент оказал существенное влияние на трансформацию системы композиций кабардинцев.

Одним из факторов трансформации системы композиций является учреждение Кабардинского временного суда (1822) и ликвидация прежней власти князей. В частности, они лишались права казнить преступников, разделять их семейства при продаже, присваивать их имущество и т.д. Более того, была сведена на нет социальная установка, согласно которой подвластные не имели права защищать свою жизнь и здоровье, если посягающими в конкретном случае выступали князья. Важным следствием влияния российских законов на систему композиций кабардинцев в период действия Временного суда выступает внедрение наказаний, сопряженных с лишением свободы (заключение на гауптвахту, ссылка в арестантские роты). Что же касается телесных наказаний, то они не получили широкого распространения в практике этого суда.

Как показывает анализ материалов Кабардинского окружного народного суда (1858-1870), наказания во многих случаях выносились без учета сословного положения потерпевшего и в большей степени были направлены против преступника, что являлось новацией и противоречило традиционной системе композиций.

Второй параграф посвящен выявлению степени трансформации системы композиций под влиянием мусульманского права.

Проникновение ислама на территорию Кабарды началось задолго до учреждения «родовых судов и расправ». Поэтому влияние шариата на трансформацию системы композиций в изучаемое время уже имело место, а существенные изменения начались с учреждением «духовных судов» в 1807 г. Ослабление традиционной сословной субординации и повышение авторитета представителей духовенства способствовали коренному изменению правового сознания кабардинцев, что, в свою очередь, отразилось на содержании системы композиций. В деятельности «мехкеме» ответственность за убийство не была поставлена в зависимость от социального статуса потерпевшего. Все убийцы должны были подвергнуться смертной казни. В практике «духовных судов» убийства стали разграничиваться на умышленные и неумышленные. Согласно сведениям Ш.Б. Ногмова, в этих судах за воровство не более одного рубля следовало лишение левой руки, от одного до ста рублей – лишение правой руки и левой ноги. В это время, как никогда в прошлом, обострилось противоречие между шариатом и кабардинским обычным правом.

Следующий этап «противостояния» обычного и мусульманского права обозначился с учреждением Кабардинского временного суда (1822). Несмотря на то, что власть духовных лиц была в значительной степени ограничена правительством, их авторитет в самом кабардинском обществе оставался достаточно высоким. Именно в этот период были реализованы нормативные установки, позволявшие на официальном уровне интегрировать в кабардинскую систему композиций ответственность за нанесение имущественного ущерба духовным лицам. Хотя судебные разбирательства по рассматриваемой категории дел не выделялись в особое производство, решения в их отношении выносились по общим для привилегированных слоев общества принципам.

В третьем параграфе рассматривается трансформация института исполнения наказаний.

Судебные и административные реформы, проводимые Россией, внесли существенные изменения и в функционирование традиционной системы исполнения наказаний. Были также введены неизвестные кабардинцам до этого времени другие виды исполнительного производства. Например, в составе Кабардинского временного суда для этих целей была учреждена должность экзекутора, стали применяться заключение под стражу и ссылка в арестантские роты. Также царская администрация в качестве наказаний стала использовать труд арестантов, привлекая их к обязательным работам.

Институт бейголей, как исполнителей судебных решений в традиционной судебной системе, утратил социальное значение во второй четверти XIX в. Исполнение наказаний в Кабардинском временном суде было поручено экзекуторам. Они обладали статусом, определенным законодательством Российской империи. Вместе с тем, характер их деятельности и состав были в значительной степени сопряжены с действием кабардинского обычного права. На основные исполнительские должности назначались представители привилегированных сословий. Кабардинский временный суд для исполнения принятых решений привлекал глашатаев, так называемых «крикунов» (гъо). Такие же методы неоднократно использовал и сам начальник Центра кавказской линии. Во второй четверти XIX века социальная функция крикунов не подверглась существенным изменениям.

Барантование представляет собой один из традиционных общественных институтов кабардинцев, который подвергся значительной трансформации под влиянием политики царской администрации в конце XVIII – первой половине XIX в. Начало трансформации института барантования можно отнести к моменту учреждения «родовых судов и расправ» (1793). Дальнейшие изменения в этой сфере связаны с деятельностью духовных судов («мехкеме») в Кабарде в 1807 г. Согласно «Народному условию...» было ограничено существовавшее до указанного периода «самовластие» князей, которое за-

ключалось в больших поборах с народа, наложении штрафов, безнаказанности убийств и т.д. В 1822 г. царская администрация предприняла еще одну попытку ограничить баранту. С этого времени барантование могло применяться только после его санкционирования членами Кабардинского временного суда. Самовольное барантование теперь рассматривалось как преступление имущественного характера и преследовалось по законам Российской империи.

В целом же изменения в области исполнения наказаний в первой половине XIX в. являются наглядными примерами характера и степени трансформации системы композиций кабардинцев.

Глава 3 посвящена сравнительному анализу системы композиций различных адыгских субэтносов.

В *первом параграфе* традиционные элементы системы композиций рассматриваются в сравнительно-историческом плане.

Кабарда, как отмечалось выше, с 1822 г. была подчинена Российской империи, и система композиций кабардинцев в это время уже была существенно видоизменена. Западные «аристократические» адыги (бжедуги, темиргоевцы, хатукаевцы, махошевцы и т.д.) в это время сохраняли независимость, поэтому их система композиций была в меньшей степени подвержена трансформации, чем у кабардинцев. Что же касается «демократической» группы адыгов (шапсугов, натухайцев и абадзехов), то у них в результате общественно-политического переворота в 1796 г. традиционная система композиций претерпела столь существенные изменения, что дает основание многим авторам первой половины XIX в. говорить об уравнивании прав дворян и вольных земледельцев. Но этот вопрос требует специального исследования.

Для всех «аристократических» адыгских субэтносов характерно то, что обычное право предусматривало различного рода штрафы, чтобы обеспечить главенствующую роль правящей верхушки в социуме. У западных «аристократических» адыгов была выработана целая система исчисления стоимости ущерба, нанесенного в результате преступления. Основной ее единицей была

«сха» («голова»), встречается также тюркский аналог «баш»). В ее состав, как правило, включались крестьяне и рабы, скот, одежда, оружие, разные товары и т.п. Состав отдельной «сха» не был строго определенным и зависел от словной принадлежности субъектов преступления. У кабардинцев в первой половине XIX в. такая система исчисления не применялась.

Основным видом доказательств в судебных разбирательствах и в Западной Черкесии, и в Кабарде была присяга (очистительная присяга, «клятвенное обещание», клятвы-присяги свидетелей). В изучаемое время принятие присяги происходило по правилам, установленным для таких случаев мусульманским правом. В Кабардинском временном суде в середине XIX в. часто принятие присяги закреплялось в письменной форме, текст которой составлялся на русском и арабском языках.

По древним адыгским обычаям лжесвидетельство строго преследовалось. Однако в деятельности Кабардинского временного суда часто встречались случаи ложной присяги, и дела, возбуждаемые по этому поводу, выделялись в отдельное производство. К лжесвидетелям применялись такие меры же наказания, как и к преступникам, по делам которых они выступали.

Важнейшим институтом, связанным с системой композиций адыгов, считается аталычество, причем в той форме, когда оно выступало средством примирения кровников. Ш.Б Ногмов и другие авторы полагали, что в прежние времена кража ребенка из семьи убитого и его воспитание были чуть ли не единственным способом прекращения кровной вражды. По преданиям, это явление имело место только в княжеско-дворянской среде. В Кабарде в первой половине XIX в. этот обычай в традиционной форме уже не существовал.

Во *втором параграфе* третьей главы раскрывается содержание системы композиций как фактора дифференциации адыгских субэтнических групп.

Систему композиций адыгов можно дифференцировать по вопросам установления «платы за кровь» князей. У представителей «аристократических» субэтнических групп размер материальной компенсации в этом случае был определен в 100 «голов», что приравнивалось к стоимости 6-8 тыс. быков и

было в 30-40 раз выше «цены крови» рядового адыга (В.К. Гарданов). В Кабарде в это время существовали иные правила регулирования отношений, возникавших на почве кровной мести. Размер наказания за убийство дворян устанавливался с учетом степени их знатности и был значительно ниже «платы за кровь» князей. У «демократических» адыгов с конца XVIII в. наблюдаются процессы постепенного уравнивания размера компенсации за убийство дворян и простолюдинов. Как и у кабардинцев, в обычном праве западных «аристократических» адыгов в изучаемое время материальная компенсация за убийство крепостных крестьян и рабов взималась в пользу их владельцев.

Ответственность за причинение ран и увечий у всех адыгских субэтнических групп устанавливалась по тем же принципам, что и за убийства. Сумма, взимаемая за ранения, составляла не более половины и не менее четвертой части «цены крови» (В.К. Гарданов). Напротив, при определении размера наказания по этой категории дел в Кабардинском временном суде учитывались и такие последствия преступления, как полная или частичная утрата трудоспособности потерпевшим. Для этих целей в судопроизводство кабардинцев был введен институт медицинского освидетельствования.

В отличие от кабардинцев в обычном праве западных адыгов в первой половине XIX в. продолжали действовать нормы, согласно которым сумма, подлежащая уплате за кражу, во много раз превышала стоимость украденного. Например, у представителей «демократических» адыгов за воровство у дворянина следовала материальная компенсация в девятикратном размере, у «простолюдина» – в семикратном. Кража, совершенная владельцем у своего вассала, не считалась преступлением, а имущество подлежало возвращению в натуральном виде или соразмерно его стоимости.

Таким образом, традиционная система композиций кабардинцев в конце XVIII – первой половине XIX в. под влиянием колониальной политики Российской империи и шариата подверглась значительной трансформации.

В заключении подведены общие итоги исследования.

Список работ, опубликованных по теме диссертации:

1. *Абазов А.Х.* Некоторые аспекты деятельности экзекуторов в судебной системе Кабарды первой половины XIX в // История науки и техники. Москва, 2007. № 8. (0,5 п.л.);
2. *Абазов А.Х.* Кража как элемент системы композиций кабардинцев в дореформенный период // Известия Высших Учебных Заведений. Северо-Кавказский Регион. Серия: Общественные науки. Спецвыпуск. Ростов-на-Дону, 2007. (0,5 п.л.);
3. *Абазов А.Х.* Основной источник кабардинского обычного права // Материалы всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых "Перспектива - 2006". Т. II. Нальчик, 2006. (0,25 п.л.);
4. *Абазов А.Х.* Система исчисления фактической стоимости вознаграждения за нанесенный ущерб у адыгов в первой половине XIX века // Материалы VII конференции молодых ученых. Нальчик, 2006. (0, 25 п.л.);
5. *Абазов А.Х.* Трансформация института барантования кабардинцев в дореформенный период // Исторический Вестник. Вып. V. Нальчик, 2007. (0,55 п.л.);
6. *Абазов А.Х.* Система композиций кабардинцев в дореформенный период на примере причинения ран и телесных повреждений // Материалы международного конгресса студентов, аспирантов и молодых ученых. "Перспектива - 2007". Т. I. Нальчик, 2007. (0,25 п.л.);
7. *Абазов А.Х.* К вопросу о деятельности Кабардинского временного суда // Архивы и общество. Вып. 3. Нальчик, 2007. (0,5 п.л.).